

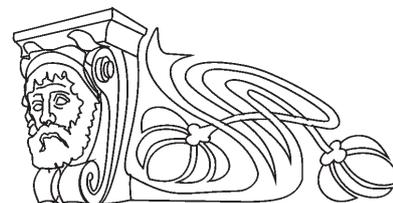
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–257

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–257

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-254-257>, EDN: NAADYA

Научная статья
УДК 115.4+165.19

Реляционный аспект неэмоциональности

Ж. Ю. Бакаева¹, И. В. Стеклова²✉

¹Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Россия, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Бакаева Жанна Юрьевна, доктор философских наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и электронного бизнеса, zannabaka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5630-173x>

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология, культурология», irinasteklova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Аннотация. Введение. В статье представлен реляционный аспект неэмоциональности как вида познания и научного освоения действительности в частности. В центре внимания находятся неэмоциональные состояния, которые оказывают влияние на научную деятельность и характеризуют современный тип научной рациональности, а также реляционная концепция времени. Целью исследования становится изучение онтологических источников феномена неэмоциональности, условий и отношений, приводящих к креативным решениям. **Теоретический анализ.** Реляционный подход позволяет исследовать возможности разума в условиях состояния безэмоциональности как в научной деятельности, так и в познавательном процессе в целом. Неэмоциональность выполняет сигнальную и регулирующие функции, которые выражаются, во-первых, в том, что отсутствие переживаний возникает в связи со спецификой окружающей действительности или с изменениями в организме человека, и, во-вторых, неэмоциональность помогает преодолевать возникающие преграды и предотвращает нежелательную деятельность, т. е. регулятивные механизмы неэмоциональности могут как способствовать нарастанию эмоциональности, так и снимать ее избыток вплоть до полной блокировки. **Заключение.** Реляционный анализ феномена неэмоциональности раскрывает возможности человеческого разума в особых состояниях безэмоциональности осуществлять творческую деятельность, выходить из экстремальных ситуаций при решении исследовательских задач в научной деятельности.

Ключевые слова: время, восприятие, неэмоциональность, интерпретация, информативность, онтология, рациональность, сознание

Для цитирования: Бакаева Ж. Ю., Стеклова И. В. Реляционный аспект неэмоциональности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 254–257. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-254-257>, EDN: NAADYA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The relational aspect of non-emotionality

Zh. Yu. Bakaeva¹, I. V. Steklova²✉

¹Chuvashskiy gosudarstvennyy universitet I. N. Ulyanova, 15 Moskovskiy Ave., Cheboksary 428015, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Zhanna Yu. Bakaeva, zannabaka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5630-173x>

Irina V. Steklova, irinasteklova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Abstract. Introduction. The article presents the relational aspect of non-emotionality as a type of cognition and scientific development of reality in particular. The focus is on non-emotional states that influence scientific activity and characterize the modern type of scientific rationality, as well as the relational concept of time. The aim of the research in this regard is to study the ontological sources of the phenomenon of non-emotionality, the conditions and relationships that lead to creative solutions. **Theoretical analysis.** The relational approach allows us to explore the possibilities of the mind in a state of emotionlessness both in scientific activity and in the cognitive process as a whole. Non-emotionality performs signaling and regulatory functions, which are expressed, firstly, in the fact that the absence of feelings arises in connection with the specifics of the surrounding reality or together with changes in the human body, and, secondly, unemotionality helps to overcome emerging barriers and prevents unwanted activity, that is, the regulatory mechanisms of non-emotionality can contribute to both the growth of emotionality and remove its excess right up to a complete blockage. **Conclusion.** The relational analysis of the phenomenon of non-emotionality reveals the possibilities of the human mind in special states of unemotionality to carry out creative activity, to get out of extreme situations when solving research problems in scientific activity. **Keywords:** time, perception, non-emotionality, interpretation, informativeness, ontology, rationality, consciousness

For citation: Bakaeva Zh. Yu., Steklova I. V. The relational aspect of non-emotionality. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 254–257 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-254-257>, EDN: NAADYA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В условиях парадигмальной трансформации научной рациональности и из-за изменения социокультурного бытия современного человека, которое характеризуется такими категориями, как неустойчивость, динамика, нестабильность, проблема безэмоциональности становится актуальной. В настоящее время, во-первых, идет стремительное накопление информации, объем которой требует определенного времени для ее переработки и, во-вторых, необходимость знания различных иностранных языков в коммуникационных процессах, включая такой артефакт, как латинский язык, присутствующий в любом лингвистическом контексте, увеличивает количество знаков-символов в памяти человека в несколько раз. Данные факторы можно считать основаниями состояния неэмоциональности, возникающего в чрезвычайный момент, требующий выбора определенного вектора в направлении мышления. Неэмоциональность не отождествляется в данном случае с таким психологическим состоянием, как алекситимия, при котором человек теряет способность к проявлению и определению эмоций, так как люди в этом состоянии испытывают эмоции, но не могут их классифицировать. Одновременно исключается исследование апатии – безразличия, полного отсутствия эмоций, при которой не возникают желания и побуждения.

Исследование отсутствия проявления эмоций связано с проблемой времени, по-разному представляемой в истории философии. Компаративистский анализ методологий И. Канта, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, включающих темпоральные воззрения, связывающие время либо с чистым сознанием, либо с трансцендентальным всеобщим, либо с бытием в целом, с деятельностным подходом Л. В. Выготского позволяет в рамках реляционных представлений исследовать отношение безэмоциональной реакции на различные события, а феномен неэмоциональности предствить как ценность, понимаемую как отношение, и выявить его онтологическое начало, так как в данном состоянии человек испытывает эмоции, может рефлексировать, но не проявляет их в течение какого-то времени.

Теоретический анализ

Под влиянием современных цифровых информационных технологий появилась проблема, которая связана с интерпретацией изменения бессознательных эмоций и сведения их под влиянием

этой новой трансформации к состоянию безэмоциональности. Эмоция – это психический процесс, отражающий субъективное оценочное отношение к объективному миру и к возможным или существующим ситуациям. Эмоции бывают положительными, отрицательными или амбивалентными. Они возникают не по воле человека и порождают чувства, выполняя при этом следующие функции: коммуникативную – невербальное общение, позволяющее передать переживание и отношение к миру с помощью мимики; побудительную, связанную с оценкой событий и формированием поведения; оценочную – обобщенная оценка происходящих событий. Сравнительный анализ эмоциональности и безэмоциональности приводит к выводу о том, что для неэмоциональности тоже характерны данные функции, однако по содержанию они уже иные. Так, коммуникативная функция неэмоциональности выражается в отсутствии вербального и невербального общения, хотя и не отрицает определенного отношения к реальности; побудительная – приводит к формированию осторожного поведения на основе результатов, происходящих событий; оценочная функция не является быстрой, восприятие событий замедляется, эмоции как бы вытесняются из сознания, потому что человек не демонстрирует ни радости, ни восторга, ни удовольствия, ни печали, ни огорчения, ни гнева. Отсутствие проявления эмоций всегда носит временный характер, иначе речь должна идти о наличии состояния организма с нарушением его нормальной жизнедеятельности.

Размышляя о продолжительности времени, И. Кант заметил его зависимость от силы впечатления. Так, медленное течение времени ассоциировалось у него с монотонностью, а мгновенность – с богатым разнообразием образов и событий. По И. Канту способность человека что-либо забывать, вспоминать и предвидеть будущее служит условием формирования воззрений о настоящей ситуации и ее восприятии. И. Кант отмечал, что время является формой чувства или созерцанием собственного субъективного состояния [1, с. 74]. По его мнению, время выступает предпосылкой всего происходящего, непосредственным основанием душевных процессов и косвенно условием объективной реальности, т. е. «все предметы чувств существуют во времени и необходимо находятся в отношениях времени» [1, с. 74]. Определяя время как субъективное обстоятельство нашего созерцания, носящее чувственный характер, философ утверждал, что в отношении вещей, встречающихся в опыте, оно является объективным. Согласно трансцен-

дентальной идеальности времени по И. Канту время не может быть причислено к предметам ни как субстанция, ни как свойство [1, с. 75–76]. Поэтому время, как и пространство, понималось им как два источника познания, из которых могут возникнуть синтетические значения. В качестве примера И. Кант приводил математику, так как в рамках данной науки «дело касается знания о пространстве и его отношении» [1, с. 78]. Таким образом, неэмоциональность можно рассматривать как реляционный феномен.

В отличие от И. Канта Э. Гуссерль стремился выделить разные уровни абстракции и в соответствии с ними пытался более детально изучать время, которое для него – интуиция относительно сознания, средство для поиска абсолютной его основы. Э. Гуссерлю принадлежит обоснование сознания как объектно-субъектного синтеза, как целостного феномена. Он закладывает основания для креативной деятельности, причем не просто для создания чего-либо нового, а рассматривает направления познавательного поиска, в частности, в различных состояниях сознания, которые могут включать в себя индуктивно-дедуктивное мышление, строгость логического метода и оптимальное решение вопроса. Э. Гуссерль пишет, что «способность идеально овладевать общим в единичном, понятием в эмпирическом представлении, и при повторном представлении убеждаться в тождественности логического идеала есть условие возможности познания, мышления» [2, с. 247]. Философ указал на ограничение интеллектуальных сил человека, отмечая, что посредством символических процессов можно получать вполне верные результаты. При этом темпоральные структуры интенциональности по Э. Гуссерлю характеризуют восприятие в виде наброска или эскиза, конституируют данность предмета, т. е. феноменологическое данное представляет собой континуум перспектив, позволяющий человеку достраивать какой-либо образ. Анализ темпоральных воззрений философа приводит нас к выводу, согласно которому неэмоциональность можно рассматривать как искусственный прием, носящий характер приема «экономии мышления». М. Хайдеггер, в свою очередь, тоже отмечал зависимость человеческих действий от мышления. Концепция предварительного допонятийного понимания коррелирует у него с кантовским априоризмом, но специфика хайдеггеровского априоризма состоит в невозможности рационального анализа, так как речь идет о «врожденности» идей, трак-

туемых как предшествование познавательной деятельности. В связи с этим М. Хайдеггер утверждает, что бытие становится понятным лишь в горизонте времени [3].

Проблему восприятия времени в особых состояниях сознания анализировал У. Джемс. Он считал, что существуют коротковременные интервалы, которые не воспринимаются человеком. По У. Джемсу с продолжительными воспоминаниями связано время, которое мгновенно, но информационно содержательно, а время без событий имеет длительное течение, но ощущается как очень короткий период. У. Джемс и Истину трактовал как согласие с реальностью, как работоспособность, как полезное и выгодное. С его точки зрения, Истина – «мысль, которая успешно ведет нас от какой-нибудь одной части опыта к любой другой, которая целесообразно связывает между собой вещи, работает надежно, упрощает, экономизирует труд» [4, с. 47]. Он выдвигает прагматический критерий истинности, в соответствии с которым выгодно то, что отвечает успешности действия. В результате и неэмоциональность может восприниматься как условие в принятии решения проблемы.

Таким образом, время можно измерить числом воспринимаемых в определенный период событий, которые могут иметь как положительное, так и отрицательное значение. По мнению О. Г. Квасовой, трансформация перспективы в экстремальной ситуации приводит, во-первых, к негативным последствиям, подразумевающим редукцию и разрушение события, а во-вторых, к позитивным выводам, созидательным образам, а именно конституированию целостной временной перспективы [5, с. 10–11]. Влияние смысловой интенциональности безэмоциональности на определение и оценку события позволяет трактовать данный феномен как динамическое образование. Л. С. Выготский, в частности, утверждал, что чувства и эмоции вступают «в новые отношения с другими элементами душевной жизни, возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения» [6, с. 326]. Подобным образованием, включающим различные уровни отношений, и является состояние безэмоциональности. Для того чтобы переработать информацию в знание, проанализировать его на различных реляционных уровнях и принять истинное решение, необходим определенный период времени. Чем больше информации и раз-

нообразнее смысловая комбинация, тем больше требуется времени на ее осмысление. Состояние неэмоциональности при этом выступает как защитная функция психики, оптимизирующая познавательный процесс. Именно поэтому ученые, имеющие широкий кругозор и большой творческий потенциал, пребывают часто в состоянии, которое можно определить как состояние тоски, но исследователь не грустит в таком настроении, он немногословен, настраивается на выработку знания и в момент принятия решения у него отсутствуют эмоции.

В качестве иллюстрации неэмоционального состояния выступает и такой феномен, как удивление. Однако, как правило, удивление определяют как когнитивную эмоцию, но оно длится всего лишь доли секунды, а за ним только могут следовать эмоции радости, страха, замешательства. И даже поднятие бровей – это уже следствие удивления, переход к эмоции. В момент удивления мышление очень интенсивно работает для принятия решения – это субъект-объектное отношение, оно является промежуточным звеном между эмоциональными состояниями и выполняет функцию приспособления нервной системы к изменениям окружающей среды. С ростом информации в современном мире безэмоциональность становится характерной чертой человека, что наиболее ярко проявляется в познавательной деятельности.

Заключение

Эмоциональный фон выступает аналогом слова и демонстрирует сенсорную обстановку. Он зависит от программы поведения человека и соотносится с рефлексивным принципом. Знак эмоции не представляет собой механизм действия. Он характеризует не саму эмоцию, а показывает актуальность того или иного поведения. Неэмоциональность же связана с отсутствием слова, которое можно считать ее онтологическим началом, сингулярной точкой – местом рождения чего-либо нового. Постнеклассическая научная рациональность характеризуется учетом отношений объекта, субъекта и средств познания,

поэтому реляционный аспект такого явления, как неэмоциональность, важен для понимания информационных процессов.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. М. : Издательство Эксмо, 2007. 736 с.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994. С. 175–353.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. 447 с.
4. Джемс У. Прагматизм. СПб. : Шиповник, 1910. 237 с.
5. Квасова О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 109–117.
6. Выготский Л. С. К вопросу о психологии творчества актера // Собрание сочинений в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 6. С. 319–328.

References

1. Kant I. *Kritik der Vernunft*. Riga, Hartknoch, 1781. 865 S. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Eksmo, 2007. 736 p.).
2. Husserl E. *Logische Untersuchungen. Prolegomena zur reinen Logik*. Halle, 1900. 224 S. (Russ. ed.: Gussler E. *Logicheskie issledovaniya. Prolegomeny k chistoy logike. Filosofiya kak stroгая nauka*. Novocherkassk, Saguna, 1994, pp. 175–353).
3. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Niemeyer, Tübingen, 2006. 341 S. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Vremya i bytiye*. Moscow, Respublika, 1993. 447 p.).
4. James W. *Pragmatism*. Harvard, University Press, 1975. 316 p. (Russ. ed.: Dzhems U. *Pragmatizm*. St. Petersburg, Shipovnik, 1910. 237 p.).
5. Kvasova O. G. Transformation of the temporal perspective of personality in an extreme situation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2011, no. 4, pp. 109–117 (in Russian).
6. Vygotsky L. S. To the question of the psychology of the actor's creativity. In: Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Pedagogy, 1984, vol. 6, pp. 319–328 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 09.06.2023

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 09.06.2023